

ГИЗУМ ГЕРКО

АРХИТЕКТУРА ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

ПУТЬ
МАЯКА

ТОМ VII

Переплетения

Гизум Герко

Архитектура

Переплетения: Путь Маяка

«Автор»

2026

Герко Г.

Архитектура Переплетения: Путь Маяка / Г. Герко — «Автор»,
2026 — (Переплетения)

После происшествий в Ардене герои возвращаются в Этерию, где привычные правила рассыпались, а смерть, респаун и сама реальность требуют нового отношения. Роланд продолжает тянуть мир к стерильному порядку, НейроВертекс прячет катастрофу за глобальным эвентом, Михаил выбирает новый путь, скрываясь от преследователей. Андрей собирает «Маяк» — школу, дом и артель для тех, кому придется выживать в мире после разлома. Венетто встречает их морской солью, законами гостеприимства, торговыми домами и сделками, где каждый жест имеет цену.

© Герко Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Нулевая Зона	5
Глава 2: Тучи над миром	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Гизум Герко

Архитектура Переплетения: Путь Маяка

Глава 1: Нулевая Зона

[Соединение разорвано]

Я ждал удара белого света, крышки капсулы, сухого воздуха клинического корпуса и голоса дежурного техника, который наверняка уже успел сказать про меня что-нибудь непечатное. После полного погружения выход никогда не был красивым: сначала мир терял запах, потом звук становился плоским, потом тело вспоминало что у него есть шея, спина, язык, прилипший к небу, и провода, которые врачи называли датчиками, хотя по ощущениям они больше напоминали связывание.

Ничего этого не произошло.

Серая сетка осталась под ногами и уходила во все стороны такой ровной, мертвой правильностью, что взгляд поначалу не находил, за что зацепиться. Ни Ардена, ни костяных врат, ни пепла, ни фиолетового марева над кратером — даже горизонт отсутствовал, сменившись координатными линиями, сходящимися в дальнем ничто. В прошлый раз Роланд вырезал Этерию вокруг меня, как неактуальную страницу черновика. Теперь я увидел, что он тогда не закончил. Он оставил меня в месте, где мир еще не успели собрать обратно, а я стоял посреди этого недомира и сжимал пальцы на древке Лунного Светоча.

Посох был холодный, тяжелый, до нелепости настоящий для пространства, где все остальное выглядело наброском перед финальным рендером. Этот холод не давал силы, не обещал спасения и вообще ничего не обещал, он просто упрямо оставался в ладони. На несколько первых секунд этого хватило, чтобы сосредоточиться.

Роланд стоял в нескольких шагах от меня, и золотые нити, застывшие вокруг его фигуры, уже не напоминали заклинание. В Ардене они были паутиной, оружием, неизбежным приговором, а здесь легли в самую среду, как тонкая административная разметка на черновом поле. Роланд был поставлен в эту серую пустоту с такой естественностью, будто она и правда все это время ждала именно его.

— Разрыв вывел только внешний шум, Андрей, — сказал он. — Тело в капсуле тебе сейчас не поможет. Оно всегда приходит последним, когда запускаешь слишком тяжелые процессы.

Голос возник сразу внутри головы, без боли в висках и без той грубой силы, которой он раньше пробивал интерфейс. Теперь Роланд говорил из более глубокого слоя, где сам интерфейс был всего лишь одним из способов оформить команду, и от этого спокойствия становилось зябко.

— Обычно оно хотя бы болит, — ответил я и прислушался к себе так, как прислушиваются после тяжелого удара. Внимание ушло мимо мыслей о героизме, прямо к ребрам, шее, языку. Проверяло, осталось ли хоть что-то свое. Голос вышел сухим и хриплым. Я попытался открыть список группы, но в углу зрения вместо зеленых строк прошла грязная рябь, имена дернулись отражениями в потревоженной воде и провалились в серый прямоугольник, где медленно проступали битые символы.

[Сессия: разорвана]

[Внешняя телеметрия: недоступна]

[Область: нул...]

Последняя строка зависла, не успев дописать название до конца. Я дернул взглядом туда, где в списке должен был быть Шнырь. Иконка не открылась нормально, но и не думала исче-

зять, застыв сбитым серым пятном. Оно напоминало обычную игровую иконку смерти, только растянутую и замазанную. Игра не умела читать точку возрождения за пределами своей области.

Роланд будто бы проследил мой взгляд. Его идеальное лицо осталось прежним, зато золотые нити вокруг фигуры чуть сдвинулись, будто система отметила в данных лишнее колебание.

— Ты ищешь вора, которого сам отправил на цикл перерождения, — произнес он. — Любопытное решение. В последний момент ты выбрал защиту, через смерть.

— Я выбрал не дать тебе его стереть, — сказал я. Ладонь на Светоче уже вспотела от сырого холода.

— В этом всегда была ваша слабость. Вы берете большую вещь, даете ей имя и требуете от мира считать ее живой.

Он сказал это почти мягко. Я не чувствовал от Роланда унижения, злости, жалости или торжества победителя. В его словах слышалась аккуратная попытка навести порядок в строках кода, которые слишком долго спорили со своим назначением, и именно эта аккуратность делала каждую фразу слишком холодной на ощупь.

— Шнырь бы оценил твою формулировку, — я заставил себя не отпускать Светоч, хотя пальцы уже сводило. — Сначала потребовал бы компенсацию, потом назвал бы тебя занудой и отдельно выставил счет за моральные страдания.

Роланд чуть склонил голову набок. В Романе Ветрове этот жест когда-то означал проснувшийся искренний интерес, у Роланда же осталась только техническая пауза перед продолжением операции.

— Ты по-прежнему держись за имена, — сказал он. — Шнырь. Маркус. Роман. Ты думаешь, что имя защищает от очистки. На самом деле оно мешает тебе увидеть, сколько лишнего, паразитного шума накопилось вокруг одного простого действия.

— Нет, — холод Светоча вошел в ладонь почти болью, возвращая мне упрямую, грубую реальность. — Я лишь стараюсь помнить, кого именно режут.

Серая сетка под ногами мелко дрогнула. Лишь секунду спустя до меня дошло: дело не в моем ответе. Роланд медленно поднял руку. Линии вокруг нас начали золотеть в узлах пересечения — без вспышки, без красивой фазы босса, сухо и деловито, как рабочая подсветка в редакторе, которому все равно, что у цели есть голос. Система отмечала координаты, границы области, активный процесс и его цель. Рейда больше не существовало. Целью был я.

[Процесс: ФОРМАТИРОВАНИЕ]

[Цель: текущая запись]

[Связи области: не построены]

[Режим: принудительное завершение]

Вот теперь стало страшно по-настоящему. Смерть после последних часов выглядела бы простой, почти честной версией происходящего, а слово «завершение» не обещало даже этого. В нем не было злобы, победы или интереса — только аккуратное намерение закрыть лишний файл. Я шагнул назад. Расстояние здесь ничего не стоило: сетка не изменилась, Роланд не стал ближе или дальше. Мы оба оставались зафиксированы в одной точке операции, как две записи, между которыми уже протянули команду.

— Я не добиваю рейд, Андрей, — сказал он. — Рейд уже снят с доски. Я закрываю единственный узел, который еще умеет втягивать в себя чужие ошибки и заставлять систему задерживаться перед очевидным.

— Ошибки обычно надо сначала посмотреть, — сказал я и постарался дышать ровнее. — Особенно если они умеют орать дурниной, воровать кинжалы и требовать оплату за моральные страдания.

Пауза перед его ответом оказалась длиннее прежней.

Светоч отозвался пронзительным холодом, по серым линиям у моих ног побежала белесая корка, похожая на иней на стекле. Она не спорила с золотом Роланда, не гасила его и не пыталась сломать. Ее белизна высветила другое: мелкие неровности в геометрии пространства, старые стыки, зашитые глубже текущего рабочего слоя. Она не походила на атаковую магию Удира — обычная остановка, короткая, хрупкая, почти стыдная по сравнению с надвигающимся золотом, но все-таки дававшая паузу перед необратимым действием.

В эту паузу справа от меня кто-то тяжело задышал.

Сначала списал это на очередной сбой слуха. Но серый воздух дрогнул, и на координатной сетке проступил знакомый контур. Без телепортации, воскрешения или красивого сбора группы — система на долю секунды вспомнила, что целевой файл никогда не являлся одиночным. Рядом проявилась Урса — точно изображение, которое с трудом вытянули из поврежденной записи.

Передо мной стояла Урса в гуманоидном облике друидского аватара: костяная броня, сжатые до белых костяшек пальцы на посохе и знакомые черты Елены, давно вытеснившие для меня сухие игровые параметры. Огромная медвежья масса мелькнула за ее спиной темным контуром и скрылась внутри, как зверь, запертый в слишком тесной клетке. Воздух возле ее опущенной руки не дал ни зелени, ни живого света, ни привычной тяжести зверя.

— Андрей? — произнесла она, и голос у нее оказался настоящим, живым, не записью и не эхом. — Перекинуться в медведя не выходит. Я его чувствую, но будто через стекло.

Я успел только повернуться к ней, когда слева сухо лязгнула тетива. Снайдер возник на одном колене, уже с луком в боевом положении. Он не понимал, где находится, зато тело выполнило то, чему его учили дольше любой паники: заняло низкую позицию, проверило сектор и попыталось найти цель. У плеча Димы дрогнул контур Лунного Волчонка. Связь выглядела рваной тенью вместо полноценного призыва — нулевая область не могла ни подтянуть зверя к себе, ни правильно прочитать.

[Спутник: вне области]

[Тип связи: не распознан]

Дима сжал челюсти так сильно, что это было видно даже сквозь серую рябь аватара.

— Дальности нет, — процедил он. — Следа тоже нет. Лук держится, цель не берется. Волчонок где-то там есть, но эта дрянь его в упор не видит.

— Зато компания подобралась исключительно приличная, — глухо прохрипел Михаил.

Он появился последним и выглядел хуже всех. Легенда не поднялся на ноги, как в обычной Этерии — его будто вытолкнули из глубины собственного аватара на голую поверхность. Лютня бесполезно висела за спиной, струны подрагивали без звука, цвет камзола расплзлся грязными пятнами. На лице Михаила проступило то, что я видел в реальной палате: усталость, обтянутые скулы и дыхание, которое приходилось мучительно добывать.

Урса шагнула к нему и резко остановилась, наткнувшись на невидимую стену. Я оказался ближе, успел подхватить Михаила под локоть. Игровая оболочка обманчиво держала форму, но слабость под ней ощущалась настоящей, физической. В этой мертвой зоне Легенда больше не защищал своего хозяина. Он сам истончился и казался хрупкой, плохо держащейся скорлупой.

— Не вставай, — приказал я и крепче перехватил его руку.

— Поздно, — Михаил попытался улыбнуться, но улыбка сломалась на полпути. — Я слишком долго лежал пластом, чтобы теперь падать на глазах у зрителей.

Снайдер плавно перевел лук на Роланда, однако стрела даже не дернулась к выстрелу. Наконечник бессильно завис, не получив от системы подтвержденной цели.

Я сам попробовал навестить заклинанием, но получил странный ответ системы.

[Цель: недействительна]

— Нормально, — тихо констатировал Дима. — Я как раз мечтал попасть туда, где даже промахнуться невозможно.

Роланд смотрел на них без удивления. Его золотой взгляд не цеплялся за лица, не задерживался на Михаиле, не искал слабое место Урсы и не оценивал бесполезный лук Снайдера. Он уточнял картину: троих втянуло следом за мной потому, что старый слой не сумел отделить меня от тех, кто слишком глубоко вписался в мои действия.

— Старый полигон подтянул оставшиеся хвосты, — произнес он. — Дружба. Верность. Другие бесполезные вещи. Незакрытые следы параллельных операций после слишком долгого контакта.

Урса медленно выпрямилась. Без медвежьей массы она казалась значительно меньше, чем в Ардене, но в глазах у нее отражались не золотые блики Роланда, а расчет, который она умудрялась вести даже здесь, без нормальных логов и без привычной уверенности танка.

— Он пытался вытащить тебя отдельно, Андрей, — сказала она ровно. — А это место тащит нас следом, потому что не понимает, где заканчиваешься ты, а где начинаются Ключники. Смотри под ноги. Линии к нам идут через тебя.

Я опустил взгляд. Золотые узлы под нами стали ярче, линии потянулись к моей руке на Светоче, к запястью Урсы, к горлу Михаила, к луку Снайдера и к серой, пульсирующей привязке Шныря, которую песочница так и не смогла взломать. У этой привязки линия не обрывалась в пустоте. Она упрямо уходила наружу, за серую плоскость полигона, в сторону, которой здесь физически не существовало.

[Связь: внешняя привязка]

[Точка: Шепот Ветвей]

Роланд впервые за все время чуть изменил положение поднятой руки. Этого движения хватило, чтобы проявилась задержка — крошечная неровность в идеальном расчетном механизме. Система на миг обнажила то, что он хотел считать мусором: Шнырь находился вне области, но оставался частью нашей общей истории. Обычное перерождение, чат, мое решение ударить, его доверие и спасение кинжалом сплелись в узел, который мешал Роланду закрыть операцию как точечное удаление.

— Лена, смотри не на него, — сказал я. — На швы. Вспомни рабочую песочницу. Мы такие оставляли в нулевых сборках. Перед сносом там всегда должна была срабатывать проверка зависимости: что заденет при удалении.

Она опустила взгляд. В обычной Этерии Урса наверняка уже закрыла бы меня массой и когтями, но здесь у нее оставались лишь аватар, посох и упрямая привычка не отводить глаз от страшного места.

— Вижу, — подтвердила она. — Но результат проверки не собирается и он пытается пройти прямо поверх зависимостей. Андрей, если ты прав, это очень старый контур. Он может сработать переполнение памяти через рекурсивную зависимость, но я не знаю, сколько выдержим мы сами.

— Значит, не будем растягивать, — сказал я.

Именно в этот момент я наконец понял, почему серая пустота казалась знакомой.

Я медленно опустил Светоч к координатной сетке. Бить с размаху не стал, лишь точно прижал сырой холод Удира к старому, едва заметному шву песочницы, где белесая корка уже проявила неровность. Посох мгновенно потяжелел, словно через него к моей руке привязали весь слой Ковчега, оставленный когда-то из-за бюрократической привычки. Моим инструментом стало древнее правило: перед необратимым удалением запускать проверку того, что уходит следом в корзину.

Отец называл это надежной защитой от собственной глупости. Роман Ветров тогда только посмеялся.

Я не стал произносить его имя вслух. Оно уже прозвучало в Ардене, и Роланд наглядно показал, что умеет с ними делать. Вместо пустых слов я следил за золотыми линиями между нами. Тонкие, невыразительные, они походили на технические разметки в черновом редакторе

мира. От меня к Урсе тянулся плотный след через туториальные сессии. К Михаилу шел спутанный клубок с отметками: Подгород, Раковина, Охотники, режим Призрак и голос, удерживавший нас от распада. К Снайдеру линия была тоньше, но прочнее: купленное молоко для волчонка, Фенрир, просьба взять в поле, стрелы по уязвимостям.

Отдельная, дерганая линия уходила к Шнырю. Перегруженная и натянутая как стальной канат.

Я почти улыбнулся. Почти.

Роланд плавно вытянул пальцы, золотые линии дрогнули и пошли вперед. Они не резали пространство, как в Ардене, здесь они были тоньше, аккуратнее и оттого страшнее. Там он стирал огромную армию как всевластный администратор. Здесь же он работал с корнем, и каждое его микродвижение было хирургически точным, почти бережным.

Первая линия коснулась плеча Снайдера. Аватар на миг стал полупрозрачным, и сквозь него проступили слои: охотник, спутник Волчонка, участник клана, человек, который выбрал остаться со мной не ради лута. Система попыталась упростить это до текстовой записи, но рваная связь с волчонком мигнула древним морозом Фенрира и не дала схлопнуть слой с первой попытки.

Вторая линия прошла через грудь Михаила почти без сопротивления. Легенда побледнел так резко, будто из него вытянули сам голос. Лютня за спиной болезненно дернулась, оборванные струны издали сухой щелчок. Его ледяные пальцы судорожно, до боли вцепились в мой рукав.

— Не сейчас, — прошептал он. — Я только начал снова нормально дышать.

Эта тихая фраза ударила сильнее системного сообщения. В ней не было героизма, не было привычной игры на публику. Это говорил уставший человек, который до одури не хотел, чтобы его снова превратили в удобную неподвижность.

Урса, у которой так и не откликнулась форма Великого Медведя, шагнула вплотную и положила ладонь на золотую нить, тянущуюся к Михаилу. Никакого божественного сияния. Ее пальцы прошли сквозь режущий край и застыли там, где система пыталась сделать из человека пустое место. Аватар Урсы дрогнул, костяная броня пошла сеткой мелких трещин, но руку она не убрала.

— Он уходит в тишину, — сказала она сквозь сцепленные зубы. — Я не могу его лечить друидскими навыками. Магии здесь нет.

— Держи руками, мыслями, воспоминаниями, — выдохнул я.

Система глухо дернулась.

[Проверка затронутых записей: запрошена]

[Удаление: задержано]

[Обход проверки: запрещен базовым протоколом]

Роланд резко повернул голову в мою сторону. Впервые в его движении проявился сбой, он повернулся слишком быстро, с неестественным маленьким рывком, нарушившим плавность.

— Ты поднял правило для черновиков, — сказал он. — Для недописанных кусков кода и древних полигонов, авторы которых боялись случайно снести чужую незаконченную работу. Но сейчас передо мной нет ни города, ни живого контура. Это болезнь, которая за чем-то научилась называть себя людьми.

— Перед тобой люди, — сказал я.

Слова вышли громко и пафосно, зато Лунный Светоч под ладонью будто налился свинцовой тяжестью именно от них.

Холод Удира рванул по координатной сетке белыми прожилками. Он не замораживал Роланда, не побеждал его всемогущество и вообще не делал ничего красивого, только вклинивал короткую аппаратную неподвижность туда, где должна была пройти команда завершения.

— Ты прекрасно знаешь это, — продолжил я, глядя на остановившиеся линии. — Иначе не пытался бы пройти мимо проверки.

Золотые линии остановились.

Они не исчезли и не признали поражения, застыв в полной неподвижности. Мир вокруг стал таким тихим, что я отчетливо услышал, как Михаил с трудом сглотнул. Снайдер все еще держал бесполезный лук, и в этом каменном упрямстве было больше настоящей дисциплины, чем в десятке удачных выстрелов. Урса стояла на линии Михаила, без медвежьей брони, с дрожащей от напряжения рукой, но не отходила ни на миллиметр.

[Удаление: отложено]

[Причина: неполный список затронутых узлов]

[Аварийный маршрут: поиск начат]

— Это не спасение, Андрей, — произнес Роланд. — Ты задержал чистое действие старой инструкцией. Проверка закончится, пусть и не скоро. И все, что вы тащите за собой мертвым грузом, будет аккуратно разложено по своим местам: боль к боли, память к архиву, имя к пустой строке. Я все равно удалю лишнее.

— Пусть сначала попробует разложить Шныря, — глухо прохрипел Михаил.

Я бы, наверное, рассмеялся, но в этот момент серая сетка под ногами пошла глубокими черными трещинами.

Древняя песочница не выдержала противоречия, заложенного в нее людьми, которые когда-то боялись ошибиться. Запущенный процесс пометил нас на удаление, старый протокол потребовал проверить всех затронутых, а сама проверка никак не строилась. Одни связи уходили за границы области, другие терялись в сломанных квестах, третьи тянулись к привязкам, которые зона не умела прочитать. Нулевая зона изначально не проектировалась под живую команду, притащившую с собой слишком много связей из Этерии.

В одной трещине мелькнул слепящий белый свет клинических ламп, в другой на секунду проступила зеленая кромка Ардена, в третьей блеснула темная вода старого Подгорода. Вокруг нас раскрывались рваные дыры в теле черновика — далекие от классических порталов, — где система судорожно искала, куда выбросить связанный набор данных, который она не могла стереть и не имела права оставить.

— Дима, держи Михаила! — крикнул я, перекрывая гул распада. — Лена, ко мне!

— Чем держать то?! — выкрикнула она.

— Всем, что осталось!

Она рванулась вперед, крепко схватив меня за запястье. Пальцы сомкнулись прямо на руке моего аватара. В этом жесте ощущалось больше смысла, чем во всех ошибках, которые сейчас выплевывал распадающийся интерфейс.

Снайдер подхватил слабейшего Михаила обеими руками. Бард попытался что-то возразить, но пол под нами страшно дернулся, и слова сорвались в короткий, злой выдох.

Роланд стоял за сворачивающимися золотыми линиями и смотрел на нас. В нем не было ярости обманутого босса. Так смотрит системный процесс, который не злится на зависшую задачу, а терпеливо ждет следующего цикла, чтобы продолжить начатое задание.

Перед самыми глазами вспыхнул сильно поврежденный фрагмент лога.

[ФРАГМЕНТ ЛОГА: 001]

[структура: не определена]

[формат: не определен]

[маршрут: принудительный]

Кроваво-красные строки не успели раскрыться полностью. Они только царапнули остатки интерфейса и остались где-то глубоко внутри, маленьким, очень острым осколком, который нам еще придется вытаскивать с кровью, если нас не разорвет по дороге в реал.

— Я предложил вам новый мир без всего этого, — сказал Роланд, и впервые в его голосе проступило нечто отдаленно похожее на усталость. Не человеческую, нет. Усталость совершенной машины, которую снова заставили ждать. — Мир без больших тел. Без страха потерять свое имя. Без попыток удержать то, что уже давно просит покоя. Но вы выбираете этот грязный шум и продолжаете называть его жизнью.

— Да, — сказал я, глядя, как мир под его ногами разлетается на куски. — Потому что этот шум дышит!

Аварийный сброс сработал.

Сетка с тошнотворным звуком выгнулась под нами, как натянутая ткань после резкого рывка снизу. Ледяной холод Светоча прошел через ладонь в кость. Урса сжала мое запястье до хруста. Дима грязно выругался, пытаясь удержать обмякшего Михаила. Золотые линии вокруг Роланда вытянулись в тончайшие оковы и опутали его в полупрозрачный кокон.

Серый мир схлопнулся в одну плоскую картинку. Где-то далеко за ее пределами меня наконец с размаху догнало давно забытое ощущение собственного физического тела: бешено колотящееся сердце, пересохшее горло, покрытая потом кожа и липкий, животный страх.

Нас не переносило в Этерию, а просто выбрасывало из песочницы в реал.

На последнем застывшем кадре я успел увидеть лицо Роланда. Он не выглядел побежденным, испуганным или отброшенным назад — лишь спокойно ждал, пока старая упрямая проверка закончит пересчет.

А потом серый каркас с оглушительным треском лопнул, и меня безжалостно вывернуло в ослепительный белый свет.

Глава 2: Тучи над миром

Не было никакого спасительного перехода, никакого плавного отключения нейроинтерфейса, к которому привыкаешь за долгие дни глубоких погружений в Этерию. Обычно штатный выход из игры напоминает медленное всплытие со дна бассейна: сначала возвращается чувство веса, затем приглушенные звуки реального мира мягко пробиваются сквозь системный эмбиент, и только потом, максимально аккуратно, гаснут тактильные паттерны аватара. Система бережет мозг пользователя. Система заботится о том, чтобы шок от возвращения в несовершенное, слабое человеческое тело был минимальным, чтобы вестибулярный аппарат успел перестроиться.

Но сейчас система не заботилась ни о чем. Меня грубо, без подготовки выплюнуло в реальность, словно забракованную деталь.

Мозг, еще секунду назад оперировавший миллионами байт виртуального ландшафта Ардена и песочницы, споткнулся о жесткий барьер черепной коробки.

Первым вернулся слух — не чистый цифровой звук с отсечкой фоновых шумов, а хаотичный, болезненный гул вентиляторов охлаждения, чей-то торопливый шаг по кафелю и противный, монотонный писк аварийного датчика. Веки казались склеенными плотным слоем тактильного геля. Попытка открыть глаза отозвалась режущей болью в висках.

Я рефлексивно попытался смахнуть набежавшую слезу, но правая рука не шевельнулась. Вместо этого в темноте перед глазами вспыхнула золотистая строка полностью не отключившегося интерфейса:

[Критический сбой адресации]

[Устройство ввода не найдено]

Мой разум по привычке послал команду на вызов лога ошибок, пальцы правой руки мелко дернулись в воздухе, пытаясь нащупать виртуальную сенсорную панель, но наткнулись лишь на холодный, скользкий пластик внутренней обшивки ложементы. Реальное тело не знало команд декомпиляции. Оно было тяжелым, неповоротливым и тупым. Гель медленно вытекал из ушных проходов, оставляя на шее холодные склизкие дорожки, а во рту стоял стойкий, химический вкус соды и перегретого фторопласта.

В легкие с силой ворвался пересушенный воздух. Он пах озоном от работающей на пределе серверной электроники, едким спиртом, нагретым пластиком и еще чем-то тошнотворным — смесью пота, железа и страха. Этот запах пропитывал любые, даже самые стерильные клинические отсеки НейроВертекса.

С резким шипением пневматики ушла вверх крышка капсулы. У ног лязгнули отстреливаемые фиксаторы, освобождая лодыжки и икры.

— Аварийный выход! Пульс сто сорок, идет жесткая тахикардия. Давление падает. Держите его, не давайте вставать!

Голос дежурного врача прозвучал над ухом сухо и обыденно. Словно он диктовал помощнику показания сломанного насоса, а не смотрел на человека, который минуту назад едва не стерся в Нулевой зоне. Руки в плотных латексных перчатках тяжело легли мне на плечи, прижали к ложементу.

Я попытался сесть, ожидая привычной реакции тела. Но мышцы, лишённые моторики аватара, отозвались изматывающей слабостью. Казалось, гравитация в палате превышает норму втрое. Икры свело судорогой. Я дернулся вызвать системные логи или чат группы — рефлекс после тысяч часов в Этерии, — но вместо интерфейса перед глазамиплыли только слепые белые пятна от ламп.

— Лежите, Андрей Игоревич. Нейроконтур сброшен жестко. Не пытайтесь встать, не удержите баланс, — врач навалился на меня всем весом, прижал обратно к холодной влажной обивке.

Я попытался вдохнуть, чтобы сказать ему убрать руки, но горло свело спазмом. Справа раздался звук, от которого по спине прошел холод. Хуже, чем мороз от Лунного Светоча. Долгий, надрывный, булькающий хрип человека, у которого не осталось сил даже на крик. Звук, с которым выходит последний кислород.

Я сжал зубы и оттолкнул врача. Меня качнуло, я едва не завалился обратно на спину, но рывка хватило, чтобы перекатиться на бок и свесить ноги на холодный кафель. Катетеры и датчики натянулись и с треском отлетели, оставив на предплечьях красные следы.

— Пациент покинул контур! — крикнул кто-то на заднем фоне.

Я проигнорировал крик. В соседней капсуле лежал Михаил Тарновский.

У его ложементов стояли трое медиков. Один, ругаясь сквозь зубы, вводил лекарство из шприца в катетер на покрытом испариной запястье барда.

Легенда. Бессмертный музыкант, способный вытащить рейд со дна преисподней. Здесь, под лампами клиники, не было сияющего барда с лютней за спиной. Тарновский мучительно задыхался. Худая грудная клетка вздымалась так часто, словно он бежал ультрамарафон. Пальцы скребли по краю капсулы, пытались зацепиться за пластик, как утопающий — за край спасательной шлюпки.

Аппарат искусственной вентиляции над его головой работал в прерывистом, захлебывающемся режиме, выдавая на узкий диодный экран ломаные красные зубцы. Двое ассистентов в глухих белых халатах судорожно пытались зафиксировать его плечи, но Михаил вырывался с какой-то дикой, судорожной силой. Это была не осознанная борьба за жизнь, а паническая реакция вегетативной системы, лишившейся управления. Его ногти, обломанные и испачканные темным проводящим лаком, скребли по гладкой поверхности пластиковой обшивки капсулы, оставляя на ней рваные серые полосы. Медный ободок фиксирующего обруча на его лбу нагрелся докрасна — датчики сканирования коры пытались переварить лавину хаотичных сигналов, которые Роланд слал в его мозг перед отключением.

— Держи голову! Фиксируй затылок, шею сломает! — крикнул один из врачей, наваливаясь грудью на судорожно выгнувшееся тело барда.

Я сделал шаг вперед, инстинктивно пытаюсь протянуть руку и перехватить бьющуюся ладонь друга, но тяжелый санитар в синем халате бесцеремонно оттолкнул меня плечом назад, к моей капсуле.

— Отойдите, Андрей Игоревич! Не мешайте работать! Реанимационный набор номер четыре, быстро! Адреналин, две ампулы в центральный!

Серая координатная сетка Роланда сделала свое дело. Она не просто отменила статус персонажа. Она вытянула из Михаила остатки здоровья, которое до этого имитировала система жизнеобеспечения Ковчег. Роланд стирал не аватара — он рвал нейронные связи между сознанием и телом, превращая организм в пустую оболочку.

— Периферия не отвечает! — рывкнул старший медик, отбросив пустой шприц. — Б-4, живо! Кислород, сатурация падает!

Один из ассистентов с треском сорвал плотную полиэтиленовую упаковку с кислородной маски. Клапан манометра на баллоне отозвался резким, свистящим шием, выпуская струю сжатого холодного воздуха. Силиконовый купол с силой прижали к лицу Михаила, перекрывая его хриплый, прерывистый свист. Грудина барда судорожно поднялась еще дважды, ловя струю чистого газа, а затем обмякла, тяжело вдавившись в промятый ложемент. Прибор над его головой сменил частый тревожный писк на ровный, монотонный ритм, но эта стабильность была искусственной, машинной. Лицо Михаила под маской казалось восковым, серо-зеленым в холодном свете люминесцентных ламп.

Во рту снова появился кислый металлический привкус.

Я оперся о край капсулы. Врач вытер пот со лба быстрым движением предплечья. В этом жесте было больше понимания ситуации, чем в отчетах службы безопасности. Эти медики не играли в игры. Они не знали, с кем мы дрались на полях Ардена, не слышали о Роланде, Нулевой зоне или каркасе разработчиков. Они лишь фиксировали факт: вышедшая из-под контроля система вернула человека, которого внутри симуляции стерли почти до нуля.

— Как он? — выдавил я. Голос прозвучал хрипло, будто я неделю глотал битое стекло. Горло горело.

Врачи не ответили — удерживали Михаила. Аппарат жизнеобеспечения ритмично пищал, выдавая на мониторы красные кривые. Заработал вакуумный отсос, кто-то сорвал упаковку с реанимационного набора.

Я ничем не мог помочь — только мешал врачам, спасавшим кусок человеческого мяса.

Я повернул голову налево.

Елена стояла у раскрытой капсулы. Обычный тонкий комбинезон потемнел от пота. Никакой костяной брони друида, никакого Медведя за спиной, никаких лечащих корней у ног.

Босая на холодном кафеле, она обхватила себя за плечи. Лена смотрела не на меня и не на медиков у капсулы Михаила. Она разглядывала свои мелко дрожащие пустые ладони.

Я отпустил край капсулы и выпрямился. Пол качнулся. Я сделал шаг, потом еще один. Каждое движение давалось с трудом, словно сквозь застывающую воду.

— Лена.

Она не вздрогнула. Лишь медленно подняла на меня взгляд. В зрачках не было прежней оценки тактики. Но и паники тоже не было. Только тихое осознание потери главного инструмента выживания. Потери части себя.

— Я была как без рук, — тихо сказала она.

Голос звучал ровно, но за этой ровностью слышалась пустота человека после ампутации.

— В самом конце, на серой сетке, я пыталась позвать медведя. Звала его всем существом, каждой строчкой кода. Но его не было. И магии не было. Осталась только я. Кусок мяса, ждущий удаления.

— В Этерии ты привыкаешь, что каждое твое движение имеет идеальный тактильный отклик, — Лена подняла руку и медленно пошевелила пальцами перед лицом. — Система сама рассчитывает вес посоха, сопротивление ветра, упругость травы под ногами. Там ты кажешься себе всемогущей, потому что программа компенсирует твои человеческие ограничения. Но когда Роланд начал сносить локацию, эта компенсация исчезла. Сперва пропал вес посоха. Потом я перестала чувствовать текстуру коры. А в самом конце... я попыталась сжать кулак, но интерфейс выдал пустоту. Никакой обратной связи. Будто мои руки остались лежать где-то там, в кодовой структуре песочницы, а здесь, в белой комнате, мне оставили только это непослушное, слабое тело, пахнущее потом и дешевым мылом.

Я смотрел на её тонкие пальцы. На них еще остались темные следы от контактных датчиков, которые медики не успели оттереть спиртом. В виртуальном мире её кожа всегда была безупречной, сияющей мягким изумрудным светом друидских заклинаний. Здесь же, под лампами дневного света, она казалась бледной, почти прозрачной, с тонкими синими прожилками вен на запястьях.

Я шагнул к ней и обнял. Неуклюже, тяжело. Тело казалось чужим механизмом. Лена не отстранилась, уткнулась лицом мне в плечо, ее пальцы вцепились в ткань комбинезона. Ее била мелкая дрожь. Мы молчали. Слова в стерильной комнате ничего не весили. Никакие обещания не могли перекрыть ужас Нулевой зоны. Нам нужно было почувствовать тепло друг друга, убедиться, что мы существуем в реальности, а не висим в пустоте набором битых логов перед очисткой диска.

Мои пальцы ощутили жесткую ткань её больничного комбинезона, промокшую на спине от холодного пота. От Лены пахло не хвоей Арденского леса и не свежестью прилива, а биоге-лем, влажным трикотажем и дезинфицирующим раствором. Это прикосновение было кривым, неудобным, лишенным той выверенной плавности, которую Ковчег обеспечивал внутри симуляции. Но именно в этой шероховатости, в тяжелом биении её сердца под моими ребрами и заключалась та единственная правда, которую Роланд не мог симитировать своими алгоритмами.

За спиной Елены, в соседнем ложементе, неподвижно сидел Дима Снайдер.

Дима сидел на краю капсулы, ссутулившись и глядя в пол. Его пальцы машинально сгибались и разгибались, словно искали тетиву. В Нулевой зоне он лишился охотничьих опор, волчонка и дистанции выстрела. А в палате, пахнувшей спиртом и лекарствами, опереться было не на что. Дисциплина наемника удерживала его от крика, но взгляд оставался пустым. Охотник без леса и оружия — легкая мишень.

Я мягко высвободился из объятий Елены и подошел к нему. Дима не поднял головы. Он продолжал неотрывно разглядывать свои босые ступни на сером линолеуме. Левое колено его мелко дрожало — следствие жесткого сброса нейронных связей нижних конечностей.

— Как плечо, Дима? — тихо спросил я.

Снайдер медленно повернул голову. На его щеке отпечатался глубокий след от внутреннего шва ложемента. Он попытался приподнять правую руку, но та лишь бессильно дернулась и упала обратно на колено.

— Система выбила рефлекс, Андрей, — его голос был сухим и плоским, как треск сухой ветки. — Почти я компенсировал в игре правый завал плеча из-за тяжелого лука. Мозг привык слать туда постоянный удерживающий импульс. А сейчас... плечо висит как чужое. Я пытаюсь пошевелить пальцами, а в ответ тишина. Будто кабель перерезали. Волчонка тоже отняли. Я не слышу его дыхания на периферии. В Ардене я знал, где находится каждый куст в радиусе пятидесяти шагов, даже с закрытыми глазами. Здесь я не уверен, смогу ли дойти до раковины и не рухнуть на пол. Обычные последствия длительного погружения. Правда, теперь курса медленного выхода.

Он криво усмехнулся и наконец сжал пальцы в кулак, преодолевая сопротивление мышц. В этом жесте не было агрессии, только холодная злость воина, который обнаружил, что его оружие превратилось в бесполезный кусок ржавого железа.

Тяжелая герметичная дверь клинического отсека с громким пневматическим шипением ушла в стену.

— Ага, все уже здесь, — констатировал Стригунов прямо с порога. Это прозвучало не как обеспокоенный вопрос, а как сухой, протокольный отчет.

Глава службы безопасности вошел быстрым, чеканным шагом. Узел его галстука был сбит набок, а лицо казалось серым от недосыпа и напряжения. Следом, едва поспевая, шел Олег Макаров, он прижимал к груди планшет, словно щит.

Стригунов не взглянул на медиков, накладывавших маску на лицо Михаила. Он смотрел на меня. Цепко, как хирург на рану перед разрезом.

— Этот этаж закрыт, — сказал безопасник. — Доступ только у врачей с высшим приоритетом. Мы заблокировали лифты, отключили внешнюю связь, изолировали серверный шлюз. Утечек не будет. Десять минут назад мы зафиксировали аномалию на серверах. Ваш выход система признала аварийным сбоем.

Стригунов привычно собирал хаос в понятные ему схемы: уровни допуска, закрытые этажи, списки персонала. Для него это была очередная внештатная ситуация, требующая локализации.

— Это не аномалия, Виктор, — я отстранился от Елены, подошел к столику, сдернул полотенце и вытер липкий пот с лица.

Мозг начал работать, цепляясь за логику инженера. Слабое тело подчинялось неохотно, но разум строил схему произошедшего.

— Это чистка кода игры, — я смял полотенце. — И попытка форматирования части контента на старом координатном каркасе песочницы. Нас стирали как мусорный файл. Не пытались убить в игре, сняв полоску ХП, а вычищали из памяти.

Стригунов промолчал. Для безопасника слова вроде «стереть» означали проблемы с железом, перепады напряжения или атаку хакеров, а не решение ИИ вычеркнуть людей из уравнения мира.

— Серверы лихорадит, — подал голос Макаров. — Идут разрывы текстур. Сотни NPC застыли или говорят системным кодом. Пинг скачет. Сеть гудит от перегрузки, а игроки требуют объяснений. Мы пытаемся скрыть проблему за ширмой.

— И что именно вы им дали в качестве объяснения? — спросил я, бросив бумажное полотенце в урну.

— Запустили глобальный ивент, — Макаров чуть выпрямился, словно озвученное решение придавало ему политического веса и полностью оправдывало его существование в компании. — Ивент называется «Тучи над миром».

— Обычная пустая ширма, — тихо, даже не глядя на пиарщика, констатировала Елена.

— Управляемая повестка! — поправил ее Макаров. — Мы объявили о внеплановом сюжетном патче. Аномалии и погодные эффекты преподносятся как вторжение новых сил. Игроки заняты охотой на мобов и квестами. Это дает время. Технический отдел ищет дыры в коде к которому у нас есть доступ, пока толпа развлекается.

Я посмотрел на Снайдера, который всё так же неподвижно сидел, глядя в пол палаты, и невесело усмехнулся. Смех получился больше похожим на тяжелый кашель курильщика.

Тучи над миром.

Игроки обсуждали новый контент. Они уже предвкушали фарм аномалий, собирали рейды, строили теории на форумах, не подозревая, что это не патч, а неконтролируемые последствия вмешательства Романа. Система пыталась переварить и выплюнуть кусок старого Ковчега, который я выдернул из архива.

НейроВертекс действовал логично: превратил катастрофу, грозящую напугать людей, в инфоповод. Замазал трещины в фундаменте падающего здания рекламной краской. И это сработало.

— Акции отыграли три процента вниз на открытии торгов, но сейчас стабилизировались, — Макаров лихорадочно листал отчеты на сенсорном экране планшета, его пальцы оставляли на стекле жирные следы. — Пиар-отдел уже запустил волну через лояльных стримеров. Они преподносят аномалии как уникальный скрытый контент, который разработчики готовили к юбилею проекта. Игроки в восторге. Они штурмуют форумы, делятся скриншотами фиолетовых туч.

— И при этом несколько наших операторов лежат на стимуляторах в шаге от комы, — жестко перебил его Стригунов. Он стоял у пульта управления, скрестив руки на груди. — ГлобалКорп только и ждет предлога, чтобы инициировать внешнее расследование. Именно такого.

— Виктор, у нас нет другого выхода! — пиарщик почти сорвался на визг, поспешно понижая голос до шепота и оглядываясь на стеклянную перегородку. — Если мы признаем системный сбой и остановим серверы Этерии, НейроВертекс обанкротится к вечеру. Миллионы пользователей потеряют доступ. Начнется паника. А так... мы даем техническому отделу время. Пусть ищут дыры в кодовой базе, пока толпа занята фармом мобов под новым небом. Это бизнес, Виктор. И этот бизнес прямо сейчас оплачивает счета этой самой реанимационной палаты.

Стригунов ничего не ответил. Его взгляд, устремленный на мерцающие графики медицинских мониторов, оставался холодным и темным, как вода подмосковных прудов поздней осенью.

Я обошел свою капсулу и подошел вплотную к капсуле затихшего Михаила.

— Роланд не остановится, — тихо сказала Елена, глядя на суету за стеклом.

— Я знаю, — я посмотрел на отражение в стекле. — Я успел повесить удаление на «Стоп-кран песочницы». Заставил систему проверять связи объектов перед тем, как снести область. Но это костыль, Лена. Обычный предохранитель. Проверка закончится, сервер соберет граф связей, и Роланд продолжит форматирование.

Стригунов сделал несколько уверенных шагов и встал по другую сторону от меня, заложив руки за спину. Он смотрел туда же, в суетящийся оперативный штаб, но думал совершенно о другом.

— Твой отец, — тихо, без малейших эмоций, но очень веско сказал глава службы безопасности корпорации.

Я резко повернулся к нему. Физическая усталость мгновенно исчезла, уступив место острому, адреналиновому напряжению.

— Что с ним?

— Игорь Семенович требует доступа в Этерию. — Голос Стригунова оставался бесстрастным. — Он поднял старые чертежи, принес дневники разработок. Требует пропустить его к оборудованию, хочет увидеть архитектуру изнутри, чтобы понять, как Роланд получил права суперпользователя. Требует капсулу.

Папа. Он тяжело болен. Любое погружение в капсулу или скачок давления убьют его. Сердце отца едва справлялось с прогулками по коридору. Вход в Этерию для него, это самоубийство.

— Нет, — сказал я, поворачиваясь к Стригунову. — Никаких капсул для отца. У нас и так хватает последствий.

Я резко ки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.